

Драматические сочинения и переводы Н. А. Полевого. Часть третья. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

Драматические сочинения и переводы Н. А. Полевого. Часть третья. В. Г. Белинский
Мы уже говорили о первых двух частях драматических «представлений» г. Полевого (см. «Отечественные записки» 1842. Т. XXV, стр. 1 «Библ. хрон.»); но вышедшая теперь третья часть их вновь приводит нас в раздумье о драматическом поприще этого Шекспира Александрийского театра, и потому нам следовало бы опять поговорить о нем; но, не желая повторять уже однажды сказанного нами и умея отдавать должную справедливость основательным и хорошо изложенным мнениям, кому бы ни принадлежали они, – мы выписываем здесь, из первой книжки «Москвитянина» 1843 года (стр. 295–298) [1], суждение этого журнала о патриотических драмах г. Полевого, – в полной уверенности, что все порядочные люди так же безусловно согласятся с этим суждением, как мы с ним согласились.
Все драмы г. Полевого, имевшие успех, доказывают, что у нас всякое произведение, вовсе чуждое художественного достоинства, но основанное на патриотическом чувстве, будет всегда иметь успех в нашей публике. Зрители, смотря на такую драму, рукоплещут не пиесе, не автору, а своим собственным чувствам, которые в них затронуты, а затронуть их в русском народе не много надобно искусства. Писатели с огромным талантом не посягают на изображение таких высоких чувств, боясь уронить их недостатком сил в искусстве или вызвать не заслуженное ими рукоплескание; писатели без надежды на свой талант не смотрят на то и во что бы ни было хотят снискать одобрение.
Патриотическая драма, угождающая вкусу народа и любимым его чувствам, у нас не переводилась. Вспомним «Великодушие, или Рекрутский набор» Ильина, «За богом молитва, а за царем служба не пропадает» Иванова. Князь Шаховской умножил также этот репертуар, особенно воспоминаниями двенадцатого года. Г-н Полевой, помнивший действие, какое эти драмы произвели на публику, возобновил этот род во всех его подробностях, с теми же достоинствами и недостатками. Лица его целиком берутся из прежних драм, выкроенные по той же мерке, и говорят тем же самым языком.

Доказательством справедливости нашего мнения о драме г. Полевого, что она успехом своим обязана чувствам патриотическим, а не своему литературному достоинству, может служить одна из напечатанных теперь пиес – «Солдатское сердце, или Биваки в Саволаксе». В ней выведено событие из жизни г. Булгарина, как сознается сам автор, хотевший после патриотических драм прославить и добрый подвиг своего искреннего друга. Драма упала, по признанию самого же автора. Какая была этому причина? На афишке не было объявлено, что драма представляет подвиг из военной жизни г. Булгарина; да если бы и было объявлено, то публика Петербургская так любит г. Булгарина, как он сам нас нередко в том уверяет, что подобное объявление, конечно, не повредило бы успеху пиесы. Враги же его, верно, не так уж сильны, чтобы могли составить заговор против его драматической апофеозы, написанной в знак дружбы г. Полевым. Нет, причина не в том. В драме выведено событие из простой жизни частного человека, уж без всяких патриотических чувств, без громких или завлекательных имен Державина, Хемницера, Сумарокова... тут требовалось одно простое искусство, без всякой помощи посторонней, и драма упала, потому что искусства не было.

Когда нет у автора в запасе патриотических чувств, чтобы привлечь нашу публику, то он прибегает к известным историческим именам нашей литературы, выводит без всякого угрызения совести Державина, Хемницера или уродует Тредьяковского, Сумарокова, вызывает рукоплескания себе громкими стихами нашего лирика или баснями Хемницера, или заставляет смеяться на счет дурных стихов Тредьяковского, уродливо прочтенных актером, или пародирует сцену между Триссотином и Вадиусом, заменив их именами Сумарокова и Тредьяковского... Мотивы всё не новые, давно употребленные князем Шаховским и другими... Только жаль, что тут вмешиваются имена такие, которыми мы должны дорожить и которые надобно выводить осторожно... Неприятно же слышать, как Державин и Хемницер, наперерыв друг перед другом, хвастают своими стихами на глазах всей публики...

Друзья г. Полевого, говоря об его драмах, всегда прибавляют: «Если бы г. Полевой не писал для сцены, что было бы с русским театром?» Весьма достойно замечания, как г. Полевой, владеющий умом сметливым и оборотливым, являлся всегда там, где совершалось падение какого-нибудь рода словесности... Упали журналы в Москве и Петербурге и, состаревшись, лениво меняли свои страницы... Г-н Полевой явился кстати с своим «Телеграфом»... Умер Карамзин, не завещав никому исторического пера своего... Г-н Полевой тут как тут с «Историею русского народа»... Упала русская

драматические сочинения и переводы Н. А. Полевого. Часть третья. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
драма на нашей сцене. Деятельный и остроумный князь Шаховской сходит с нее с бесконечным роем своих произведений. Г-н Кукольник делает трагические усилия, чтобы поддержать нашу Мельпомену, но и тот покидает роль драматика. Сцена почти пуста и живет только переделками с французского... Г-н Полевой и тут поспекает и строит какую-нибудь драму из обломков патриотической драмы Ильина и Федорова, из прежних мотивов князя Шаховского, из ужасов неистовой мелодрамы французской, воспроизведенной им в «Уголино», из прежних детских своих воспоминаний о драме Коцебу, с примесью некоторых новых из Дюма, Гюго, Шиллера, Шекспира, а иногда из опер, как, например, «Фрейшица» и проч. Вот происхождение драмы г. Полевого... Это постный ужин, который хозяин дома, за неимением свежей провизии, на скорую руку составляет из оставшихся объедков от своей обеденной трапезы и предлагает неожиданно наехавшим гостям... Они и тому рады, по известной пословице русского хлебосольства о безрыбье...

Ничего не может быть справедливее и беспристрастнее этого суждения, так замысловато и остро высказанного! Есть истины до того очевидные и неопровержимые, что в них не могут не соглашаться люди самых противоположных характеров, самых несходных убеждений и направлений, словом, люди, которым как будто назначено ни в чем не соглашаться друг с другом. Такова, например, истина суждения «Москвитянина» о патриотических и всяких других «представлениях» г. Полевого: мы, ни в чем не согласные с «Москвитянином», признаем его мнение о драмах Полевого неоспоримо истинным и думаем, что если сам г. Булгарин, сей искренний друг г. Полевого, не согласится теперь с этим мнением, то разве по каким-нибудь непредвиденным обстоятельствам настоящей минуты... [2] Что же касается до мнения «Москвитянина» об изворотливой и сметливой литературной деятельности г. Полевого, всегда поспевающей строить и созидать на развалинах падших зданий, из мусорных материалов самых этих развалин, – то это мнение, с которым мы безусловно согласны, еще прежде «Москвитянина» высказано самим г-м Булгариним, с которым мы тогда же в этом согласились. А было это, помнится, еще в 1839 году; и «Отечественные записки» в свое время сообщили публике этот любопытный факт беспристрастия г. Булгарина в деле литературного суждения о друге; но как повторение основательных мнений, чьи бы они ни были, служит к их распространению и утверждению, то мы вновь сообщим читателям интересное мнение г. Булгарина, – тем более что это нужно нам, в настоящем случае, для доказательства единодушного согласия всех и каждого в деле слишком очевидных истин. Почтенный Н. А. Полевой пишет, как говорят, полосами. О чем речь в публике, за то принимается почтенный Н. А. Полевой. Была эпоха журналов, Н. А. издавал журнал; была мода на Шеллингову философию и политическую экономию – он писал о философии и политической экономии. Настала мода на романы, он стал писать романы. Альманахи ввели в моду оригинальные повести – Н. А. стал писать повести. Заговорили об истории, – вот есть и история; наконец, вкус высшего сословия и публики явно обратился к театру, и Н. А. Полевой пишет трагедии, драмы, драматические представления, драматические были и водевили. Пишет он так много, что мы не можем постигнуть, когда он выбирает время, чтобы читать и учиться! Н. А. Полевой человек умный и удивительно смелый. Он не может написать ничего решительно дурного, а между тем написал он много хорошего. Что он ни напишет, во всем пробивается то талант, то сметливость, то ловкое подражание, и все приурочено к понятиям большинства. Невозможно быть беспристрастнее нас к Н. А. Полевому, и, невзирая на прошедшее, мы всегда отдаем справедливость его таланту, уму, трудолюбию, а больше всего его сметливости, в которой он не имеет равного в нашей литературе [3].

Совершенная правда! Так как пришлось к слову, заметим тут же, что эту действительно удивления достойную сметливость обладает между русскими литераторами, не один г. Полевой: отдавая ему полную справедливость, мы не должны же быть несправедливы и к г. Булгарину, тоже обладающему замечательным талантом в этом роде. Вся разница в характере таланта: г. Полевой больше устремляется, как справедливо замечает «Москвитянин», туда, где совершилось падение какого-нибудь рода словесности; г. Булгарин, напротив, является неожиданно большею частью после какого-нибудь успеха посредством литературного оборота. В то время как мода на альманахи заставляла г. Полевого писать повести, – их писал и г. Булгарин; успех альманахов заставил г. Булгарина издать «Талию»; [4] удачная подписка на не конченную доселе «Историю русского народа» [5] имела своим следствием неудачную и тоже не конченную «Россию» г. Булгарина; успех «Посредника» родил «Эконома»; успех «Наших» произвел «Картинки русских нравов»; полнотапная история Суворова г. Полевого породила «Романтические сцены из жизни Суворова» с полнотапами же, которые, говорит г. Булгарин, скоро явятся в свет; успех драматических «представлений» г. Полевого на Александрийском

драматические сочинения и переводы Н. А. Полевого. Часть третья. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
театре породил неуспешную, впрочем, «Шкуну Нюкарлеби». Подражая всему успешному, г. Булгарин иногда огорчается, если видит, что задуманное им «успешное» – упреждается чужим «успешным», особенно «успешнейшим». Так, например, «Юрий Милославский» упредил выходом «Димитрия Самозванца» – и за то навлек на себя довольно грозную критику в «Северной пчеле». Равным образом, г. Булгарин не любит совместничества: просим читателей вспомнить известную историю о капустных кочерыжках...[6]

Возвратимся к «представлениям» г. Полевого в изданном ныне третьем их томе.

Этот третий том содержит в себе «Гамлета» – драматическое представление Виллиама Шекспира, и «Уголино» – драматическое представление Николая Полевого. Хотя «Гамлет» только перевод г. Полевого, но и его можно счесть за сочинение, ибо сущность всякого произведения составляет его дух, а в переведенном г-м Полевым «Гамлете» Шекспира – нет нисколько шекспировского духа: переводчик заменил его собственным своим. Поэтому «Гамлет» так же точно есть сочинение г. Полевого, как и «Уголино»: в обоих один дух, одна манера, – и если Шекспир более или менее виноват в «Гамлете» г. Полевого, то он же более или менее виноват и в «Уголино»: ибо в каком отношении находится «Гамлет» г. Полевого к «Гамлету» Шекспира, в таком же точно отношении находится «Уголино» г. Полевого к «Ромео и Юлии» Шекспира... Многие считают это отношение весьма похожим на отношение пародии к оригиналу... Мы сказали, что сущность всякого произведения заключается в его духе, и потому должны характеризовать дух «Гамлета» и «Уголино». С этой точки зрения, оба эти произведения чрезвычайно интересны, потому что оба они – родовые, типические явления в области русской литературы.

Иные слова, по особенным обстоятельствам, получают впоследствии совсем другое значение, нежели какое имели вначале и какое назначила им выражать этимология языка. Так, например, русское слово «чувствительный» сперва означало человека с чувством, с душою; следовательно, оно имело похвальное значение. Но сентиментальность, овладевшая нашею литературою и нашим обществом в конце прошлого и начале текущего столетия, дала слову «чувствительный» ироническое значение, так что теперь говорят «человек с чувством» и уже не говорят «чувствительный человек», ибо последнее означает слезливого воздыхателя, аркадского пастушка в соломенной шляпе, с розовыми лентами на груди, – лицо, некогда известное в русской литературе под именем Эраста Чертополохова[7]. Таким же точно образом у немцев выражение «прекрасная душа» (schöne Seele) и произошедшее от него неловкое в русском переводе слово «прекраснодушие» (Schoneseelichkeit) получили, в последнее время, совершенно противоположное значение. Слово «прекрасная душа» у немцев выражает собою понятие о тех слабых и поверхностных характерах, которые исполнены энтузиазма ко всему высокому и прекрасному, но которые никогда не могут понять хорошенько, в чем состоит и что такое это «высокое» и «прекрасное», от которого они всегда в таком восторге. Сердце у этих людей действительно доброе, ума в них также отрицать нельзя; но они лишены всякого такта действительности. Они узнают высокое и прекрасное только в книге, и то не всегда; в жизни же и в действительности они никогда не узнают ни того, ни другого и от этого скоро во всем разочаровываются (любимое их слово!), холодеют душою, стареются во цвете лет, останавливаются на полудороге и оканчивают тем, что или (и это по большей части) примираются с действительностью, какова бы она ни была, то есть с облаков прямо падают в грязь; или делают мистиками, мизантропами, лунатиками, сомнамбулами. Обыкновенно они смешны и жалки в том и другом случае; но в первом они бывают иногда уж и не жалки, а скорее страшны своим примирением с действительностью...[8] Не разочаровываться им невозможно: ибо у них идеал не имеет ничего общего с действительностью и не способен к осуществлению на деле. Если этот идеал – дева, то непременно неземная, которая не ест, не пьет и не хворает, питаясь одними высокими чувствами, любовью, восторгом, вдохновением и пр. И потому в девах они наиболее разочаровываются: неспособные понять и оценить ничего, что просто, без претензий и без эффектов, прекрасно, они всего чаще привязываются к ничтожным созданиям – и умножают число несчастных браков по страсти. Если этот идеал – друг, то горе ему: самолюбие – болезнь «прекрасных душ» требует от него, чтоб он отказался от себя и беспрестанно любовался прекрасными чувствами и словами своего друга, страдал бы его страданиями, радовался его радостями, а о себе не думал бы вовсе: в противном случае он – эгоист, холодная душа, разочарователь. Идеал блаженства любви «прекрасных душ» – пустыня вдаль от людей, природа, прогулки при луне, вздохи, поцелуи и – больше всего – совершенное бездействие. Они вечно стремятся туда, а здесь недовольны всем: люди их не понимают, жизнь для них пошла, ибо в ней нужны и деньги, и пища, и одежда, необходимы горе и

романтические сочинения и переводы Н. А. Полевого. Часть третья. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
труд. Труды они не любят в особенности: в нем так много прозы, а они хотят дышать одною поэзию.

Но чтобы сделать верный очерк того, что немцы называют «прекрасною душою», нужна целая статья. Итак, удовольствуемся одним намеком: догадливые поймут нас. У нас были попытки ввести в употребление слово «прекраснодушие», которые остались тщетными, и по справедливости: у немцев это слово получило такое значение через развитие самой общественности, так же как у нас слово «чувствительный». Мы думаем, что слова «романтик» и «мечтатель» довольно близко подходят под значение немецкого выражения «прекрасная душа» (schöne Seele). Кто хочет познакомиться с характерами и натурами романтиков и мечтателей, – тем рекомендуем из романов г. Полевого «Аббадонну», а из повестей в особенности – «Живописца», «Блаженство безумия» и «Эмму»: это тонкие, злые картины и очерки романтиков и мечтателей. Но всех их выше – «Гамлет» и «Уголино»: это просто сатирическая апофеоза романтических душ и мечтательных характеров. Мы не будем распространяться в доказательствах: перечтите в «Уголино» сцены любви между Нино и Вероникою, – и вы сами увидите, что улика налицо. Одна уже мысль – жить в пустыне аркадскими пастушками, занимаясь одною любовию, – в высшей степени «романтическая» и «мечтательная»...

Уединенное место в Апеннинских горах; кое-где хижины пастухов; направо красивый домик; налево дерновая скамья. Нино и Вероника, в крестьянском одеянии.

Вероника. Я принесла тебе завтрак, милый Нино! Извини: не мастерская работа, но я сама пекла этот хлеб, мой милый друг!

Нино. А я кончил мою работу и жду твоего поцелуя. Посмотри – ведь и это не мастерская работа, но я сам плел эту корзинку!

Вероника. Какая миленькая! А! ты заслужил поцелуй! (Целует его.)

Нино. И только?

Вероника. Какой прихотник!

Нино. Я не требую, а умоляю!

Вероника. Так разве так умоляют? Вы, синьор, слишком горды для роли нежного любовника! Но я вас прощаю. – Вот вам награда... Довольно, довольно!

Нино. Вероника! счастлива ли ты?

Вероника. Ах, Нино, тебе ли спрашивать!

Нино. Знаю, и все еще сто раз в день хотелось бы мне спросить у тебя – слышать от тебя беспрестанно!

Вероника. На что слова, милый друг?

Нино. Неужели ни разу не пришла тебе мысль о прошедшем, ни разу не взволновалась грудь твоя вздохами сожаления?

Вероника. О чем же, милый Нино?

Нино. О том, что было, о том, что ты для меня оставила, бросила, презрела...

Вероника. Я не знаю, что такое прошедшее. Да разве я оставила что-нибудь? Мне кажется, что я родилась только тогда, когда мы переселились сюда с тобою. Было что-то прежде... я не помню...

Помню я одно – тот вечер, дивный вечер,
Когда последний солнца луч цветные стены храма

Раззолотил и, по стенам сверкая, догорая,
На сводах и столпах, как радугой, блистал.

Там, близ алтаря, был юноша прекрасный,

Мой Нино был там – он молился,

Он ангелом прекрасным мне казался,

Он не видал меня, но мне с тех пор,

Как призрак милый счастья, он остался –

Его мечтала голос слышать я,

Его искала и – нашла его – он мой!

Он не диким мне воителем,

Не в турнирах победителем –

Он мне странником предстал смиренным,

И – его узнала я!

Он так смело стал перед людскою толпою,

Он сказал ей, изумленной, будто божьим громом:

Она – моя!

Вот все, что было для меня... Ах, да уж сколько раз пересказывала я тебе об этом!...

Нино (обнимая ее). Мечтательница!

Вот видите – и добрались до первого и последнего слова, до альфы и омеги этой апофеозы пряничной любви «мечтателей»! Да этот Нино с своею Вероникою просто – Манилов с своею супругою: он держит в руке конфетку и говорит супруге: «Разинь,

драматические сочинения и переводы Н. А. Полевого. Часть третья. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
душенька, ротик, я тебе положу этот кусочек»...

Право, об «Уголино» больше нечего говорить, особенно говорить серьезно...

Что касается до «Гамлета», то достоинство его как перевода вполне оценено великим знатоком Шекспира, покойным профессором Харьковского университета И. Я. Кронебергом[9] и, в другой статье, сыном его, А. И. Кронебергом[10]. Но нет худа без добра: из перевода вышло сочинение г. Полевого, и это послужило к успеху пьесы на нашей сцене, где Шекспир так, как он есть (не обсахаренный и не рассыропленный), еще недоступен. Но зато некоторые потому только и прочли превосходный перевод «Гамлета» г. Вронченко и поняли его, что видели на сцене «Гамлета» г. Полевого... И то заслуга!»[11]

Комментарии

1

Далее выдержка из статьи С. П. Шевырева «Критический перечень произведений русской словесности за 1842 год».

2

Булгарин выступил со статьей, защищающей драматические произведения Полевого (см.: «Северная пчела», 1843, № 35).

3

Белинский цитирует рецензию Булгарина на альманах Н. В. Кукольника «Новогодник» («Северная пчела», 1839, № 80).

4

Полное название: «Русская Талия, подарок любителям и любительницам отечественного театра на 1825 год». Талия – одна из девяти муз, покровительница комедии.

5

Н. А. Полевой. История русского народа, т. I–VI. М., 1829–1833.

6

См. «Литературные и журнальные заметки» (наст. т., с. 321).

7

См. примеч. 104 к статье «Литературные мечтания» (наст. изд., т. 1, с. 639).

8

Рассуждение Белинского о «прекраснодушных» направлено прежде всего против Н. А. Полевого, пережившего ту самую эволюцию от неприятия действительности к «страшному» примирению с ней, о которой говорит здесь Белинский.

9

«Литературные прибавления» к «Русскому инвалиду», 1839, № 10.

10

драматические сочинения и переводы Н. А. Полевого. Часть третья. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru

«Литературная газета», 1840, № 49, 50.

11

См. примеч. 11 к статье «Русская литература в 1842 году».

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!